

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

**ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ МИР:
ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ**

Казань – 2002

УДК 391/395
ББК 63.5
Д 73

Редколлегия: А.А.Арсланова, Л.Ф.Байбулатова, И.К.Загидуллин
(ответственный редактор)

Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 24–25 января 2001 г. – Казань, 2002. – 144 с.

На обложке: изображение военных сцен, животных и драконов, запечатленных на костяных пластинах. Вторая половина VII в. Шиловский могильник, курган 1, Ульяновская область. Из книги: Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

ISBN 5-94981-011-2

© Институт истории АН РТ, 2002

Владимир Напольских

«УГРО-САМОДИЙСКАЯ» ТОПОНИМИКА В ПРИКАМЬЕ: ЗАБЛУЖДЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Существует мнение о наличии на северо-востоке Европы и, в частности, в нижнем Прикамье и казанском Поволжье обширного ареала топонимики, якобы оставленной древним угорским населением; к нему обычно – хотя и вне всякой логики – примыкают попытки показать былое пребывание на примерно тех же территориях и каких-то самодийских групп. При этом чаще всего об «угорских» и о «самодийских» топонимах Восточной Европы нередко пишут одни и те же авторы (см. ниже), которые помещают их в своих сочинениях рядом и порой объясняют отдельные топонимы как гибридные «угро-самодийские», как будто речь идёт почти об одних и тех же языках. Эти построения, в свою очередь, с энтузиазмом используют некоторые археологи для прямолинейной этноязыковой интерпретации археологических свидетельств миграций сибирского («угро-самодийского») населения в Восточную Европу [Генинг, с. 275-277; Казаков, с. 245, 250 и др.].

Написано обо всём этом на сегодня уже немало. Междисциплинарный характер проблемы (ономастика, археология, исторические источники и т.д.) осложняет ситуацию: даже весьма осторожные исследователи считают необходимым сделать экивок в сторону «угро-самодийских» построений, мотивируя это тем, что последние базируются, якобы, на выводах другой дисциплины, которые следует принимать во внимание. Это обстоятельство и является основным побудительным мотивом для написания данной статьи, причём я вполне отдаю себе отчёт в том, что не только одна небольшая статья, но и несколько томов детальной критики едва ли могут предотвратить дальнейшее производство того же рода построений, и нимало не стремлюсь переубедить их авторов*: я адресуюсь прежде всего к студентам и к тем коллегам, которые понимают необходимость корректного и осторожного использования выводов различных смежных дисциплин.

По-видимому, пионером в области поисков угорской топонимии на широких пространствах Восточной Европы был Д.П.Европеус [Европеус]. Это сочинение было совершенно дилетантским даже для своего

* Дело как всегда осложняется и корпоративными интересами: так, первоначальный текст данного доклада не был допущен к печати научным советом Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН по причине того, что здесь подвергаются критике сочинения удмуртского автора М.Г.Атаманова.

времени («Phantasien», по лаконичному определению М.Фасмера [Vasmer, II, с.10]), и разбирать здесь его построения нет необходимости. В принципе, данного автора не стоило бы и упоминать, если бы не то обстоятельство, что на него ссылаются современные разработчики интересующих нас «угро-самодийских» теорий: либо сами они сочинения Д.П.Европеуса не читали, либо его уровень их вполне устраивает (что, глядя на их собственные упражнения – см. ниже, – не удивляет), либо, наконец, уж очень хочется продемонстрировать наличие «историографической традиции», и тут – всякое лыко в строку. И в самом деле, Д.П.Европеус не только предвосхитил, но даже превзошёл достижения наших «угро-самоедологов»: он находил «следы» (финно-)угров, например, и в Африке [Европеус, с. 22]!

Более серьёзным основанием для утверждений о былом широком расселении обских угров на севере Восточной Европы стал список «обско-угорских» гидронимов с этих территорий, приведённый А.Каннисто в его работе более чем полувековой давности [Kannisto, 1927]. Очерченный А.Каннисто ареал «обско-угорских» топонимов охватывал бассейны Камы, Вычегды, Мезени, Пинеги и достигал Марийского Поволжья. Бесспорный высокий авторитет А.Каннисто и не критическое восприятие выводов привели к тому, что очерченный им ареал стал рассматриваться уже как бесспорный район бывшего проживания обских угров (см., например, карту в [Соколова]).

Между тем, это едва ли оправдано, так как, во-первых, метод отбора «обско-угорских» гидронимов А.Каннисто состоял, в сущности, в том, что таковым объявлялось любое речное название с окончанием на *-ja* (ср. манс. *jā* ‘река’), при этом не учитывалось, что окончание на *-ja* может возникнуть в результате адаптации местных (прежде всего – коми) названий рек русским языком (окончание женского рода *-a*). Таким образом, в работе А.Каннисто по сути дела вообще нет первичного лингвистического анализа рассматриваемых там гидронимов как слов конкретного языка, в котором они функционируют; как увидим ниже, это характерно и для других работ по интересующей нас теме. Во-вторых, в большинстве случаев А.Каннисто не даёт обско-угорских этимологий для рассматриваемых гидронимов, ограничиваясь констатацией упомянутого окончания на *-ja*, или указывая на созвучные названия с территорий проживания хантов и манси. Для утверждения обско-угорского происхождения того или иного речного названия следовало бы показать, что оно (и апеллятив, и основа) объясняется из нарицательной лексики обско-угорских языков, а наличие просто параллельных названий оставляет множество других возможностей: происхождение из какого-то неизвестного языка, пермское (коми) происхождение, перенос назва-

ний русскими или коми с Русского Севера на север Западной Сибири и т.д. В-третьих, наконец, работа А.Каннисто попросту не свободна от элементарных ошибок в передаче названий и их интерпретации.

Объём доклада не позволяет проанализировать все «обско-угорские» гидронимы из бассейнов Мезени, Пинеги, Вычегды, Вятки, среднего течения Печоры и верховьев Камы из статьи Каннисто [Kannisto, 1927, с.76-89], поэтому я приведу лишь наиболее типичные примеры, и в особенности – рассмотрю те немногие случаи, когда А.Каннисто делал попытку дать реальную обско-угорскую этимологию. После знака = приводятся реальные сегодняшние названия этих рек на русском и коми языках (в тех случаях, когда мне удалось их установить, если не удалось – привожу определения самого А.Каннисто после ? и без знака =) и альтернативные этимологии из работ других авторов и (после знака //) – предлагаемые мною.

Ия ← манс. (Т.) *iī*, (НЛозь.) *ī* ‘ночь’ [Kannisto, 1927, с.86] = (*Большая*) *Бя* (лев. пр. р. Вашка), ср. также выше её – р. *Бя*, по новой версии оба названия якобы из нен. *i?* ‘вода’ [Афанасьев, с.160]. Сомнительно: вряд ли нен. *i* может быть передано в коми языке через *j*. Едва ли ненцы вообще когда-либо жили в верховьях Мезени и вряд ли могли появиться там раньше коми // Ср. коми (Уд.) *jv*: *jv dor* ‘entfernte Gegend (volkstümliche Deutung des Namens Udora)’ [Fokos-Fuchs, I, с.297] < общекоми основа *j/-* ‘даль(ний)’ в в-вовом диалекте.

Керья = *Керью* (лев. пр. р. Мезень) < коми *ker-ju* букв. ‘бревно-река’, ‘река с брёвнами’ [Афанасьев, с.73].

Веня = *Венью* (пр. пр. р. Вашка) якобы < коми *vañ ju* ‘богатая река’ (где *vañ* – забытое коми слово, восстанавливаемое на базе удм. *vañ* в *vañbur* ~ коми *embur* ‘богатство’) [Афанасьев, с.39]. Сопоставление сомнительное и по вокализму, и в силу неправомерности реконструкции коми **vañ* // На самом деле скорее связано с коми (Уд.) *veñ* ‘поветрие, заразная болезнь’ (в др. коми диалектах – *peres* [ССКЗД, с.300]): *veñ ju* ‘заразная река’.

Пежъя ← (?) манс. (ВЛозь.) *pēs jā*, (Т.) *piš je* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927, с.77] = *Пежъя-ю* (пр. пр. р. Мезень) < коми *pežja ju* якобы из «др.-угор. *peñ ja*, *peñ ja* ‘река со старицами’» [Афанасьев, с.122]. Сомнителен переход **š* > **ž* при адаптации в коми языке // На картах приводится форма *Пежью* < коми *pež ju* ‘поганая река’, если всё же правильна форма *Пежъя-ю*, то и в этом случае < коми (Уд.) *pežja ju* ‘жирная река’ (см. [ССКЗД, с.278]).

Нюл ← манс. (НКон., СКон., Т.) *nål* ‘Quelle, bes. in einem Fluß oder See fließende’ [Kannisto, 1927, с.86] // Очевидно < коми (л-овые диалекты) *něl* ‘стрела’.

Лупья (названия нескольких рек, варианты *Лопья*, *Ланья* – результат различной адаптации в русском языке) – манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927, с.77] = *Верхняя Лупья* (лев. пр. р. Вычегда) // Альтернатива: < коми *lep ju* ‘река с завалами’ (*lep* ‘завалы, наносной мусор’). Большое количество названий рек типа *lep ju* в Республике Коми [Афанасьев, с.95] объясняется важностью наличия / отсутствия речных заторов для судоходства и рыболовства. Хотя в удмуртском языке коми *lep* ‘наносной древесный мусор’ прямых параллелей не имеет, в топонимии Удмуртии имеются названия рек типа *Лын* (удм. *lep*), связанные, видимо, с тем же корнем [Атаманов, 1988, с.62]. См. также ниже.

Луп – манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ [Kannisto, 1927, с.77] = *Лупт* (пр. пр. р. Мезень) – форма, приводимая на картах, у А.П.Афанасьева – *Лупта*, якобы – манс. *лупта* ‘лист, лепесток’ (то есть ‘(река, текущая) по листовенному лесу’, ‘(река, заросшая) листовенным лесом’) [Афанасьев, с.94]. Сопоставление сомнительное по семантике: манс. (С) *lūpta* не имеет значения ‘лиственный лес’ [Munkácsi, Kálmán, с.276-277]. Поэтому предпочтительнее альтернативное предположение: «Возможно также, *Лупта* из коми *lōnta* ‘с мусором, с лесными завалами’ » [Афанасьев, с.94] < коми *lep(t-)* ‘наносной мусор, завалы на реке’; ниже см. множество примеров гидронимов, образованных от основы *lep(t-)* и комментарии. Ср. также название избы *Луптвом* – топоним безусловно целиком коми происхождения [Афанасьев, с.94], указывающий, кроме того, на первичность формы гидронима *Лупт*, а не *Лупта*.

Вадья (? пр. пр. р. Вычегда) – манс. (НЛозь., Пел.) *βōt*, (СКон., НКон.) *βōt*, (Т.) *βāt* ‘ветер’ [Kannisto, 1927, с.86]. Необъясним переход **t > *d* / Альтернатива: < коми *vadja* ‘с лесным озером’ (*vad* ‘лесное озеро’). Ср., например, р. *Вадьявож*, лев. пр. р. Велью < коми *vadja* + коми *vož* ‘приток’ [Афанасьев, с.36].

Чавья = р. *Чевью* (лев. пр. р. Вычегда) < коми *čev-ju* ‘тихая река’ [Афанасьев, с.154]

Лолья (? пр. пр. р. Сысола) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* ‘ольховая река’. Ср. р. *Ловля*, пр. пр. р. Сокся в Прилузском районе Республики Коми < коми (в-вовый диалект) *lov ju* ‘ольховая река’ [Афанасьев, с.92].

Воль (названия нескольких рек) – манс. (ВЛозь.) *βōl* ‘прямой отрезок реки между двумя поворотами, плёс’ [Kannisto, 1927, с.77] = *Воль* (лев. пр. р. Малая Визинга, левого притока р. Сысола) // Коми альтернатива не исключена: коми (Вым.) *vol* ‘росчисть, участок в лесу с очищенными от коры деревьями’ [ССКЗД, с.58] ~ коми-перм. *vol* ‘росчисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни’ ~ удм. *vel̄i*, *vel̄* ‘тж’;

В силу надёжной коми этимологии гидронима *Енволь* (см. выше) эта альтернатива представляется более основательной, чем мансийская гипотеза. В удмуртской топонимии апеллятив *vel / veli* весьма продуктивен [Атаманов, 1988, с.63]. См. также ниже.

Енволь (? лев. пр. р. Вымь) // Безусловно < коми (Вым.) *jen vol* ‘божья росчисть’ (см. [ССКЗД, с.58]). Ср. р. *Енва* (лев. пр. р. Печора) < коми *jen va* ‘божья вода’, р. *Енью* (пр. пр. р. Вишера) < коми *jen ju* ‘божья река’ [Афанасьев, с.60] (см. также ниже).

Имонья (? пр. пр. р. Сысола) – (?) манс. (СЛозь.) **im(ə)ŋiā* ‘песчаная река’ < *im* ‘песок’ [Kannisto, 1927, с.77]. Фонетически довольно проблематично (переход **ə* > *o*) // Реки с таким названием на картах нет. Если всё же это – не результат какой-то ошибки, то возможна связь с коми глаголом *intini* ‘попасть, угодить’ (например, **intan ju* ‘река попадания, достижения’ – по которой можно попасть куда-либо).

Вежья = *Вежью* (лев. пр. р. Лэпью, правого притока р. Сысола) // < коми *vež ju* ‘зелёная река’ [Афанасьев, с.38].

Нюль – (?) манс. (Пел., НЛозь.) *ñul*, (СЛозь.) *ñuli*, (С) *ñuli* ‘пихта’ = *Нюль* (пр. пр. р. Сысола) // Возможно, связано с корнем **ñul-*, сохранённым в коми *ñileg*, (Уд., Печ.) *ñuleg*, (Иж.) *ñuleg* ‘слизский, скользкий; налёт, слизистый осадок’, (ВСыс.) *ñille* ‘гнилая колода’ [ССКЗД, с.237, 241].

Пешья – (?) манс. (ВЛозь.) *pēs iā*, (Т.) *piš iē* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927, с.77] = *Пешью* (лев. пр. р. Сысола) < коми *peš-ju* ‘река молодого ельника’ (коми диал. *peš* ‘молодой ельник, чаща’) [Афанасьев, с.123].

Тетеря (? лев. пр. р. Вымь) // На современных картах не обнаружена. Очевидно русское название.

Чимья-верек = на картах *Чиньяворык* (пр. пр. р. Весляна, левого притока р. Вымь), правильно – коми *simia-verək* ‘сёмужий ворох’ в смысле ‘река, богатая сёмгой’ [Афанасьев, с.156].

Позья – манс. (Пел.) *pōs*, (ВЛозь.) *pōs*, (С) *pōs* ‘знак, метка’ [Kannisto, 1927, с.77]. Помимо того, что мансийское слово заимствовано из коми (*pas* ~ удм. *pis* ‘знак, тамга’) [Rédei, 1970, с.136], сомнителен переход **s* > *z* = *Позью* (лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) < коми *roz-ju* ‘гнездовая река’ [Афанасьев, 1996, с.125].

Раскуля (? лев. пр. р. Ижма) // Ср. множество названий рек с апеллятивом *Рас-* < коми *ras* ‘роща’ [Афанасьев, с.131].

Сосья – манс. (С) *sōz*, (НЛозь.) *šoš*, (Пел.) *šōš* ‘ручей’ [Kannisto 1927: 76] = *Сосья* (пр. пр. р. Печора в нижнем течении), коми *sošja* – манс. *sos* ‘ручей, речка’ *ja* ‘река’ [Афанасьев, с.139] // Один из двух-трёх случаев (в бассейне Печоры), когда мансийское происхождение названия возможно.

Косья = *Косью* (лев. пр. р. Ижмы) < коми *koś-ju* ‘порожистая река’ [Афанасьев, с.80].

Лая = *Лая* (пр. пр. р. Печора) возможно – манс. *lui-ja* ‘нижняя река’ [Афанасьев, с.88] // Опять-таки – бассейн Печоры.

Лем / *Лым* – манс. (Т., СЛозь., Пел.) *lēm*, (НКон.) *lām*, (СКон.) *lēm*, (С) *lām* ‘черёмуха’ [Kannisto, 1927, с.87] = *Лемью* (лев. пр. р. Печора) < коми *lēm ju* ‘черёмуховая река’ [Афанасьев, с.89].

Кым (две реки) = *Кым* (пр. пр. р. Кама) // Речки – небольшие (названия малых рек как правило менее устойчивы), дорусская (собственно коми) форма названия неизвестна, поэтому есть широкие возможности для разных чисто гадательных предположений (ср. коми *котти* ‘Прикамье’, *кут* ‘амбар при охотничьей избушке’, *кот* ‘хариус’ и т.д.). Сопоставление с манс. (НКон.) *kāt* – название реки в бассейне Конды [Kannisto, 1927, с.77] ничем не лучше любого из этих вариантов, однако форма, какую манс. название приобрело в русской адаптации (*Кима*) достаточно далека от *Кым*.

Кузья (? приток р. Чепца) – (?) манс. (С) *χūz* ‘Schlangenwurz’; (Пел.) *kūshjē*, (НКон.) *χūsəŋjā* ‘Schlangenwurzflob’ [Kannisto, 1927, с.80-81] // Ср. общепермское *kuz* ‘длинный’.

Тья (? приток р. Чепца) // Ср. общепермское *tj* ‘озеро’.

Ашья / *Ошья* – манс. (Пел.) *əš*, (НЛозь.) *oš* и т.д. ‘овца’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927, с.81] = *Ошья* (пр. пр. р. Буй) // С тем же успехом можно сопоставить, например, с удм. *oš* ‘бык’ или коми *oš* ‘медведь’.

Салья = *Салья* (пр. пр. р. Кырыкмас, левого притока р. Иж) // Безусловно связано с названием удмуртского рода *Салья* и образованными от него названиями населённых пунктов. Предположение о происхождении названия рода *Салья* от манс. *sāli* ‘олень’ [Атаманов, 1988, с.37] чисто гадательное; в любом случае название реки связано с названием удмуртского рода, а не напрямую с обско-угорскими языками.

Из всего списка А.Каннисто лишь два-три гидронима, находящиеся в бассейне Печоры, могут быть реально объяснены из мансийского языка без хорошей пермской альтернативы. Все остальные названия либо имеют очевидное пермское (коми) происхождение, либо, по крайней мере, вероятность их пермского происхождения не меньше, чем угорского (почти все предложенные пермские альтернативы весьма органично согласуются с принципами коми топонимической традиции и подтверждаются параллелями). Угорские этимологии топонимов Коми Республики, которые добавлены к списку А.Каннисто А.П.Афанасьевым, как правило, также не слишком надёжны и являются отнюдь не лучшей частью его в целом очень добротной работы [Афанасьев]. Таким образом, из ареала распространения субстратных угорских гидронимов на северо-востоке

Восточной Европы «по А.Каннисто» безусловно должны быть исключены бассейны Пинеги, Мезени, большая часть бассейна Вычегды, верховья Камы, Сарапульское Прикамье и Марийское Поволжье.

Что касается более восточных районов (бассейн Печоры, бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток), то здесь, возможно, имеется некоторое количество мансийских топонимов: речь идёт о районах исторического проживания манси. Хотя наблюдения А.Ф.Теплоухова [Теплоухов, 1924], находившего параллели в топонимике Русского Севера и Приобья, гораздо менее надёжны, чем сопоставления А.Каннисто, приводимые им факты из исторических документов, свидетельствующие о пребывании в XV-XVII веках обских угров (точнее – именно манси) в восточных районах Среднего Прикамья (бассейны рек Чусовой, Сылвы, Нейвы, Колвы и т.д.) не вызывают сомнения, равно как и аналогичные данные А.Каннисто [Kannisto, 1927a]. Более того, теоретически мансийские топонимы могут быть обнаружены и далее на запад – в районах военно-политической активности *вогуличей* в XV–XVI вв. – вплоть до Великого Устюга, где *вогуличи* реально фиксируются документами [Теплоухов, 1960].

Показательно, например, наличие нескольких населённых пунктов с названиями типа *Вогульцы* возле г. Вятки, которые рассматривались в качестве аргумента в пользу «смены манси удмуртами» на Вятке [Теплоухов, 1960, с.27-28; Атаманов, 1988, с.96]. При этом забывают как минимум о двух обстоятельствах. Во-первых, этноним *вогул* является русским названием манси (от названия реки *Вагиль / Вогул(ь)ка* в бассейне Тавды, манс. *vōl jā* ‘река с плёсами’), употребляющимся в документах с XIV века по отношению к населению Пелымского княжества – западным и южным манси. Следовательно, вятские ойконимы возникли едва ли ранее XIV века, и относятся не к обским уграм вообще, а конкретно к пелымским вогуличам. Во-вторых, появление таких названий совершенно естественно, так как пелымские вогуличи действительно жили в Вятской земле: например, в 1467 г. после похода вятчан и пермяков на Пелым, пелымский князь Асыка был взят в плен и приведён в Вятку [Оксенов, с.252], есть множество сообщений о совместных военно-разбойничьих экспедициях вятчан и вогуличей на Устюг и др., что свидетельствует о наличии между ними союзнических отношений, которые, надо полагать, подкреплялись взаимными визитами, наличием послов, аманатов и т.д. При чём здесь «смена угров удмуртами»?

Помимо концовки на **-ja* на роль субстратного угорского («угроидного») топоформанта на севере Восточной Европы предлагался ещё *-ым / -им* [Serebrennikov; Тепляшина]. Гидронимы на *-ым / -им* действительно не имеют, кажется, очевидного объяснения ни из пермских, ни из прибалтийско-финских, ни из саамского языков и распространены

не только на севере европейской России, но и в Приобье. Однако большинство из них не этимологизируются и из обско-угорских языков, являясь равным образом субстратными и в обско-угорской топонимии [Матвеев, 1968, с.139-140]. Даже сам Б.А.Серебрянников сумел предложить всего четыре обско-угорских этимологии для гидронимов на *-ым* [Serebrennikov, с.284], причём все они, мягко говоря, небезупречны (например, *Кольчим* – манс. (С) *χālāsi*, (СЛозь.) *khōles*, (Т.) *khālkhäš* ‘берёзовый лес’ – ни в коми, ни в русском языке данное мансийское слово не могло приобрести искомого фонетического облика, не говоря уж об оставшемся необъяснённым окончанием).

Проблема выявления западных границ былого обитания обских угров и, в частности, манси, по данным топонимики была корректно пересмотрена в работах А.К.Матвеева, который показал, что каких-либо фактов, свидетельствующих в пользу наличия угорских топонимов западнее западных склонов Урала, за исключением районов среднего и верхнего течения Печоры и левых притоков средней Камы не имеется [Матвеев, 1982, с.51-53]. Названия на *-я*, выявленные А.Каннисто, в частности, в среднем Прикамье, безусловно, являются результатом русской адаптации коми гидронимов [Матвеев, 1961, с.321]. Средневековые походы манси на Каму, Вычегду и т.д. – реальность, но что касается топонимики, то очевидно, что А.Каннисто, А.Ф.Теплоухов и др. «использовали случайный и по существу мало что доказывающий материал (чтобы убедиться в этом достаточно взглянуть на карту, приложенную к статье А.Каннисто)» [Матвеев, 1982, с.50].

Итак, нет никаких оснований для предположений о наличии субстратной топонимики угорского происхождения на севере Восточной Европы кроме районов исторического проживания манси более или менее поблизости от Уральских гор, речь может идти только о следах позднего (XIV-XVI вв.) собственно мансийского (*пельмских вогуличей*) проникновения в Прикамье, на Вятку и Вычегду, хорошо известного по письменным источникам. Работы Д.П.Европеуса, А.Каннисто, А.Ф.Теплоухова и т.п. вообще не могут быть признаны надёжным основанием для каких-либо выводов в силу их **методологических недостатков**, которые имеет смысл здесь назвать, поскольку, как увидим ниже, эти же недостатки присущи и трудам современных «угро-самоедологов»:

самое главное: автор исходит не из материала, начинает не с системного статистического анализа топонимики определённого региона, а из интересующей его гипотезы, направление работы определяется произвольным выбором заинтересовавшего его языка / языков;

1) топонимы рассматриваются вне их реального бытования в конкретном языке (русском, коми), без учёта особенностей адаптации субстратной топонимии;

2) отбираются любые удобные для автора формы топонимов и слова языков; А.Каннисто, например, рассматривал как свидетельства былого проживания угров на той или иной территории такие названия как *Шайтанка*, *Молебка* и т.п. [Kannisto, 1927, с.81, 85];

3) абсолютизируется какой-либо один признак, топоформант, не учитываются принципы номинации географических объектов, топонимическая традиция того или иного языка;

4) не учитывается история языка: субстратные, то есть, так или иначе, относительно старые топонимы этимологизируются с опорой на произвольно отобранные формы современных языков и диалектов, без реконструкции праформ соответствующего времени и предположительного диалекта;

5) не учитываются возможные альтернативные этимологии из других языков, прежде всего исторически бытовавших на данной территории.

Аналогичные недостатки характерны и для методологии исследователей, пытающихся объяснять некоторые гидронимы Русского Севера из самодийских языков, точнее, за редчайшим исключением, из одного из них – селькупского. Побудительным мотивом и единственным реальным основанием для этих попыток является то обстоятельство, что в селькупском языке есть слово *kj* ‘река; середина’ [Erdélyi, с.94-95]. Именно это слово увидел А.П.Дульзон [Дульзон, 1960, с.6; Дульзон, 1961, с.365-366] в названиях рек на севере Восточной Европы кончающихся на *-ка* (*-га*). При этом не принималось во внимание ни хотя бы то обстоятельство, что концовка на *-ка*, в принципе, может быть просто русско-го происхождения (ср. *ёлка*, *палка*, *Амазонка* и т.д.), ни то, что западно-сибирские гидронимы, происходящие от селькупских названий рек на *kj* (*Часелька*, *Королька* и др.) в 90% случаев имеют в русской адаптации *-ка*, а восточноевропейские названия рек оканчиваются чаще на *-га*. Удалось даже изыскать в Восточной Европе названия, которые могут целиком быть объяснены из селькупских слов [Беккер, с.16-18]. Их, впрочем, мало, и качество этих сопоставлений весьма невысоко: ср., например, *Шагарка* якобы – сельк. *шĕγъ* ‘чёрный’ (сомнителен вокализм). Подобная «методика» даёт очень широкие возможности для дальнейших изысканий того же уровня. Например, территория Моравии и южной Чехии покрыта названиями рек на *-ва*: *Влтава*, *Отава*, *Морава* и др., и они плохо объясняются из славянских языков. Почему бы не объявить их субстратными топонимами пермского происхождения (ср. коми *va* ‘вода’, ‘река’ в топонимах типа *Обва*, *Иньва*, *Язьва* и др.)? Расстояние от Прикамья до Чехии немногим больше, чем до селькупского Приобья, и найти подходящие апеллятивы в пермских языках при желании нетрудно (см. также Приложение).

В свое время А.П.Дульзон предполагал наличие на севере Восточной Европы не только «селькупской» гидронимии на *-ка / -га*, но и гидронимии саяно-самодийского происхождения на *-ба / -ва / -ма* – якобы, от матор. *бы*, камас. *бу* ‘вода’ [Дульзон, 1961, с.365]. Однако эта точка зрения не получила распространения – думаю, не столько в силу абсолютного отсутствия каких-либо оснований (для «селькупской» гипотезы это препятствием не стало), а просто потому, что под рукой у возможных энтузиастов-продолжателей не нашлось соответствующих словарей. Впрочем, словари иногда находятся, и список народов, якобы посещавших Среднее и Верхнее Прикамье и оставивших там свою топонимику не ограничен обскими уграми, селькупками, камасинцами и маторами: добавьте сюда ещё кетов, сибирских тюрков [Кривошёкова-Гантман, с.132] и ненцев [Атаманов, 1988, с.95]. Можно предвидеть и расширение этого списка: до сих пор почему-то не вспоминали, например, нивхов и айнов.

Гипотеза о самодийском происхождении субстратных топонимов Русского Севера была проанализирована в нескольких работах А.К.Матвеева. Им было показано, что в значительной части топонимы такого рода получили окончания на *-а* на собственно русской почве, о чём свидетельствует наличие таких топонимических пар как *Курга ~ Кургозеро* [Матвеев, 1964а, с.108], а если концовки *-га / -ка / -ма* (*-ба* не фиксируется в любом случае!) всё же обнаруживаются, они не являются самостоятельными топоформантами, а представляют собой лишь произвольно вырванные части более сложных формантов: *-еньга; -юга / -ега; -ома / -ема; -ожма / -ежма*, которые и образуют определённые ареалы [Матвеев, 1964а, с.106-108; Матвеев, 1964, с.80-81]. Фонетический анализ топонимов указанных групп показывает, что топонимы на *-юга / -ега* и на *-еньга* отражают языки с различным фонетическим строем и могли быть оставлены носителями пермских, прибалтийско-финских, саамских, неизвестных палеоевропейских, но никак не самодийских языков [Матвеев, 1964а, с.107-112; Матвеев, 1964, с.67-68]. Работы А.К.Матвеева являют собой прекрасный и, к сожалению, довольно редкий пример методологически корректного анализа данных топонимики, и его вывод однозначен: «нет никаких оснований считать, что топонимы на *-га* восходят к самодийским источникам» [Матвеев, 1964а, с.115].

Учитывая те же обстоятельства, на которые указывал А.К.Матвеев, А.П.Дульзон в поздней своей работе признал, что наличие гидронимов на *-ка* в Западной Сибири, образованных от сельк. *kj* «ничего не говорит о происхождении аналогичных названий, встречающихся в виде плотных ареалов к западу от Урала» [Дульзон, 1970, с.88].

Как видим, оснований для утверждений о самодийских (точнее – селькупских, что не одно и то же – см. выше пункт 4. в списке методических недостатков) гидронимах на севере Восточной Европы (кроме истори-

ческих районов проживания ненцев, естественно) ещё меньше, чем об угорских: самодийских гидронимов здесь, насколько это вообще можно утверждать, нет и быть не может. «Предположения о существовании массовых угорских и самодийских элементов в субстратной топонимии Русского Севера не подтверждаются» [Матвеев, 1964, с.83].

Были предложены самодийские «этимологии» и для некоторых ойконимов и микроэтнонимов Башкирии [Васильев, Шитова]. Побудительным мотивом к таким изысканиям послужила гипотеза В.И.Васильева о древней родоплеменной группировке «самодийцев-кара», выделенной им в основном по названиям ненецкой фратрии *Харючи*, селькупской племенной группировки *karal-qum* и этнониму саянских самодийцев *карагасы* [Васильев, с.29-32] (см. об этих этнонимах подробнее [Hajdú, с.83-85, 93-97]). Это, однако, не значит, что всякий этноним, содержащий в себе компонент **kara* следует объявлять самодийским, в особенности – когда речь идёт о районах исторического расселения тюрков, так как в тюркской ономастике очень активно используется общетюркский апеллятив *kara* ‘чёрный’. Поскольку тюркские названия на *kara* широко распространены по всей Северной Евразии, оказалось возможным обнаруживать следы «самодийцев-кара» где угодно, в том числе – и в Башкирии [Васильев, Шитова]: *Каратавлы* (тат., башк. *kara taylā* ‘с чёрной горой, Черногорье’), *Карагулово* (от тюрк. *kara(γ)ul* ‘караул’ – монг. [Räsänen, с.235-236]) и т.д. С этой точки зрения самодийцами можно объявить и *карачаевцев*, и *каракалпаков*, и *картвелов*, и всех *картавых* и др.

Открывателем «угорских» и «самодийских» топонимов с территории Удмуртии является М.Г.Атаманов, творчество которого особенно показательно, так как он опирается на достижения своих предшественников, перечисленных выше и заходит даже дальше их. Интересно, что в списке этих предшественников он почему-то в одном ряду с Д.Европеусом, А.П.Дульзоном и др. упоминает и А.К.Матвеева, что едва ли оправдано: А.К.Матвеев действительно «писал» [Атаманов, 1988, с.93] на эту тему, однако, как было показано выше, его методика и выводы радикальным образом расходятся с методикой и выводами, милыми сердцу М.Г.Атаманова.

Можно было бы, наверное, ограничиться простым указанием на то, что (обско-) угорские и самодийские сопоставления М.Г.Атаманова и иже с ним ненадёжны, немногочисленны, не образуют даже по признанию самого автора [Атаманов, 1988, с.97] сколько-нибудь значительно топонимического пласта, сделаны с соблюдением всех обозначенных выше недостатков и поэтому не могут и ни в коем случае не должны приниматься во внимание в палеоисторических исследованиях. Од-

нако подобная общая негативная оценка может показаться представителям лингвистических дисциплин неубедительной, а «гипотезы» М.Г.Атаманова весьма известны хотя бы в пределах Удмуртии. Поэтому приходится рассмотреть несколько примеров.

В названиях рек *Лумпа* ~ *Лумпо*, *Лумпашур* и т.п. М.Г.Атаманов находит селькупское слово *l̥mpä* ‘болото’ [Атаманов, 1988, с.94] (точнее – ‘зыбун, топь; сырое место’ [Erdélyi, с.118, 159]). Сначала – небольшое замечание исторического плана. Поскольку в этих топонимах сохраняется сочетание согласных носовой + смычный (-*mp*-), следует считать (если принять гипотезу об их селькупском происхождении), что они попали в удмуртский язык уже после завершения процесса пермской деназализации (переход типа **mp* > *b*). Принято считать, что под этот процесс попали по крайней мере три болгарских заимствования [Wichmann, 1903, с.129; Rédei, 1969, с.329], следовательно он завершился едва ли раньше IX в. н.э.. Таким образом, проникновение «селькупских» топонимов с сохранением сочетания «носовой + смычный» в удмуртский язык могло иметь место никак не ранее IX-X века. У М.Г.Атаманова имеется целая серия таких топонимов: *Лумпа*, *Шундошур*, *Сундо*, *Юнга*, *Англеть*, причём они разбросаны практически по всей Удмуртии [Атаманов, 1988, с.94-95]. Значит, если верить М.Г.Атаманову, то следует признать, что ещё в раннем средневековье вся территория Удмуртии была заселена селькупками, а пермяне – предки удмуртов появились здесь не раньше IX века н.э.! Думаю, что даже самым горячим сторонникам «угро-самодийских» теорий такой вывод покажется диким, однако по-другому интерпретировать выводы М.Г.Атаманова невозможно.

Таким образом, топонимы типа *Лумпо* – относительно молодые и представляют собой композиты или суффиксированные слова, а морфемная граница в них проходит между *m* и *p*.

Название р. *Лумтун(ь)* – правого притока р. Кильмезь предложено этимологизировать из сельк. *l̥mpä* и манс. *унь* ‘запруда в реке’ [Атаманов, 1988, с.94]. Следуя подобному подходу, суть которого заключается в том, что любое интересующее исследователя отдельно взятое название можно произвольно разлагать на любые компоненты, а затем подыскивать для этих компонентов любые более или менее созвучные слова в разных языках (набор которых ограничен только желаниями и кругозором автора), можно было бы, например, «этимологизировать» название страны *Нигерия* как состоящее из рус. *ни* (отрицание) + удм. *геры* ‘соха’ + рус. *я* = «я – не соха», т.е., примерно, «мы – не рабы», семантически немногим хуже, чем «запруда на болоте».

Другого подхода, впрочем, нельзя и ожидать – только так можно доказывать недоказуемое и находить то, чего нет. Беда, однако, не толь-

ко в этом: в данном случае перед нами пример, наглядно показывающий, как не следует подходить к анализу топонимики и к этимологии вообще. Предпочитая форму названия реки *Лумпунь* с мягким *-*ń* на конце, что даёт возможность сопоставлять его с манс. *унь*, М.Г.Атаманов, как и в большинстве других случаев, не уточняет, о слове какого языка идёт речь, что само по себе для исследователя, претендующего называться лингвистом, довольно странно (см. выше пункт 1. в списке методических недостатков). Между тем, мы имеем здесь дело с названием реки, употребляемом в русском языке (точно также в приведённом выше примере я намеренно не уточнял, что название *Нигерия* – тоже слово русского языка, и оно далеко не идентично фонетически англ. *Nigeria*), следовательно, анализировать его нужно для начала как русское слово. Поскольку рус. *река* – слово женского рода, большинство названий рек в русском языке – также женского рода; соответственно адаптируются в русском языке и иноязычные названия рек – чаще всего с окончаниями существительных женского рода. Следовательно, при наличии дублетных форм названий рек нерусского происхождения с мягким знаком на конце (показатель женского рода) и без него – как в случае с *Лумпун(ь)* – следует отдавать предпочтение при реконструкции дорусского оригинала форме без мягкого знака, в данном случае – *Лумпун*, поскольку для её возникновения на собственно русской почве нет специальных оснований.

Реконструкция дорусского названия реки **lum̄p̄un* позволяла бы оценить сопоставление концовки слова с манс. *унь* как фонетически некорректное и поэтому маловероятное. Однако слова *унь* ‘запруда в реке’ в мансийском языке, кажется, нет. М.Г.Атаманов имеет в виду, по-видимому, манс. (С, СЛозь., Ко.) *̄un* ‘кол, свая, шест рыбного закола’ [Munkácsi, Kálmán, с.695]. Фонетически данное слово, в принципе, сопоставимо с **-un* в **lum̄p̄un*, но что должно скрываться за селькупско-мансийским ‘трясинный шест рыбного закола’, и может ли существовать подобное гибридное название вообще (манси с селькупцами не создавали гибридных топонимов, видимо, никогда – даже в Сибири)? Две ошибки М.Г.Атаманова (манс. *ун*, а не *унь*; изначально *Лумпун*, а не *Лумпунь*) в данном случае нейтрализуют друг друга, но качество его работы едва ли нуждается в комментариях.

С другой стороны, поскольку с исторической точки зрения надо полагать, что название данной реки могло попасть в русский язык прежде всего из удмуртского, следовало бы в первую очередь проверить, не может ли оно иметь собственно удмуртской (пермской) этимологии (см. пункт 5. в списке методических недостатков). Слово **lum̄p̄un* разлагается на два прапермских корня: **lum̄* ‘день, полдень; юг’ (> коми *лун* ‘день’,

ср. также множество названий рек с апеллятивом *lup* ‘южный’ в топонимии коми [Афанасьев, с.93-94]; удм. *нунал* ‘день’, *лымшор* ‘юг’, *лумбыт* ‘весь день’) и **роӧ* ‘конец’ (> коми *пом*; удм. *пум*, (пер.-юж.) *риӧ* ‘тж’). ППерм. **lup-роӧ* (> **lumроӧ*) ‘южный конец’ является весьма подходящим названием для р. Лумпун, которая течёт практически строго с севера на юг. Вероятно, что слово было заимствовано в русский язык из (древне)удмуртского диалекта, где сохранялся конечный *-*ӧ*: при исходной форме типа удм. **lumrit* следовало бы ожидать скорее рус. **Лумрум*, а не *Лумпун*.

Название реки *Колтымак* (приток р. Тоймы в Алнашском р-не Удмуртии) и реки *Кылт* (лев. пр. р. Вала) М.Г.Атаманов этимологизирует из сельк. *колд* ~ *колдэ* и т.д. (сельк. (С) *qoltj* [Erdélyi, с.76]) ‘большая река’. При этом концовку на *-мак* он объявляет «топоформантом», находя его также в других названиях рек: *Сосмак*, *Челтымак* и т.д. [Атаманов, 1988, с.94]. Название района г. Ижевска *Колтома* и сходные названия частей других населённых пунктов типа *Колтыма* ~ *Колтома* он выводит из сельк. *калдэ* ‘выступающий участок (залив, клин тундры)’ (в словаре И.Эрдеи этого слова нет). Из того же *калдэ* он выводит и название деревни *Халды* (удм. *Калдй*) в Селгинском р-не Удмуртии [Атаманов, 1997, с.48].

Интерпретация названия рус. *Халды* ~ удм. *Калдй* – удачный пример непонимания М.Г.Атамановым элементарных лингвистических фактов. Понятно, что слова связаны друг с другом, не ясно только, из какого языка в какой произошло заимствование. Поскольку в русском языке есть фонемы *k* [к] и *χ* [х], а в удмуртском – только *k*, рус. *χ* в удмуртском произношении передаётся как *k*, а вот удм. *k* останется *k* и в русском. Следовательно, по чисто фонетическим критериям следует считать удм. *Калдй* заимствованным из рус. *Халды*, а никак не наоборот. Во-вторых, название деревни представляет собой множественное число от рус. (Смол., Яросл., Вят.) *халда* ‘бесстыжий, распущенный человек’ [Фасмер, IV, с.217]. Названия населённых пунктов уничижительным словом во множественном числе (типа *Вороны*, *Хохряки*, *Охламоны* и т.п.) – характернейшая черта русской ойконимии. Таким образом, для данного названия едва ли надо искать объяснение в селькупском.

Название реки *Кылт*, как верно заметил М.Г.Атаманов, имеет параллель в коми гидронимии – р. *Кылтовка* (коми *Кывтыва*, где *ва* ‘вода, река’), лев. пр. р. Вымь. Наличие такой параллели укрепляет позиции гипотезы о пермском происхождении данных названий. Совершенно неприемлема этимология А.П.Афанасьева для коми *Кывтыва* – из гибридного манс. *ховт* ‘ельник’ + хант. *ов* ‘течение реки’ [Афанасьев, с.84]: во-первых, потому, что само существование такого гибридного топонима в

отдалении от мест реального контактирования хантов и манси весьма сомнительно, во-вторых, потому, что русская форма названия (*Кылтовка*, основа – *Кылт-*) и удмуртская параллель (*Кылт*) однозначно указывают на праформу типа **kilt-*, которая не может происходить от манс. *ховт*. Связь этих названий с сельк. *qoltj* ‘большая река’ затруднена фонетически (-o- ~ -j-) и семантически непонятна: рассматриваемые реки во всяком случае не большие. С другой стороны, имеются пермские корни, с одним из которых, по-видимому, связано происхождение этих названий: коми (Уд.) *kjvt* ‘тропа, проторенный след зайца, выдры, куда ставят капканы’ [ССКЗД, с.184] – или коми (Луз., НВыч., Скр., Уд.) *kjvtnj*, (ВСыс., ЛЛет., Печ., ССыс.) *kjltmj* ‘плыть по течению’ [ССКЗД, с.184-185] – или коми *kevtnj* ‘ловить бреднем рыбу, снимать с поверхности’ [ССКЗД, с.168], удм. *kaltjnj* ‘ловить рыбу неводом, бреднем’.

С другой стороны, название *Колтома* имеет широкие параллели (*Колда*, *Колдозеро*, *Колдома*) в гидронимии Русского Севера [Матвеев, 1989, с.14]. Если это не случайно, то рус. (Вят.) *колтома* ‘часть, конец населённого пункта’ [СРНГ, XIV, с.196] может представлять собой русский народный топографический термин, принесённый на Вятку и в Удмуртию русскими переселенцами с запада. Его происхождение в таком случае связано с гидронимами на -юга (см. выше) и не может иметь никакого отношения к селькупскому языку.

Не исключено, однако, что рус. (Вят.) *колтома* (вариант – если верить М.Г.Атаманову *колтыма*) связано не с субстратным гидронимом *Колдома*, который, всё-таки, весьма далёк от Вятки, а с местным гидронимом *Колтымак*: отпадение конечного -к могло произойти на русской почве при употреблении названия *Колтома(к)* как слова женского рода. Загадочный «топоформант» -мак, выделяемый М.Г.Атамановым в *Колтымак* и в других топонимах [Атаманов, 1988, с.77, 94-95], в большинстве случаев является тюркским суффиксом имени действия -мак / -мак, сохранившимся и в татарском языке как разговорный и устаревший, например *Сосмак* (деревня в Можгинском р-не Удмуртии) (М.Г.Атаманов выводит из манс. *сос ~ шош* ‘ручей, вытекающий из болота’) на самом деле = тат. **sōsmak* ‘черпание; (место) где черпают воду’ < *sōs-* ‘черпать’. Во многих других случаях, однако, выделение этого форманта явно ошибочно: в Удмуртии, Татарии, Башкирии и т.д. имеется большое число тюркских по происхождению топонимов типа *Урустамак*, *Стерлитамак*, *Муртыштама* в которых наличествует компонент -тамак / -тымак = тюр. (в том числе – тат.) *tamak* ‘горло, глотка; устье реки’. Очевидно, этот же тюркский топоформант присутствует и в *Колтымак* – топониме, который также целиком объясняется из татарского языка: тат. *kul* ‘овраг, сухое русло, ответвление оврага, долины’ +

tamak ‘устье’ = ‘овражное устье’. Ижевская *Колтома* действительно находится возле устья речки Подборенки, текущей по глубокому оврагу.

Как видим, все «селькупские» топонимы М.Г.Атаманова на *колт* / *кылт* происходят из русского, татарского или пермских языков.

Название города *Яранск* и рек типа *Ярань* и т.п. М.Г.Атаманов связывает с коми названием ненцев *яран* [Атаманов, 1997, с.49]. Коми *jaran* ‘ненец’ заимствовано из манс. (С) *jōrən* или хант. (Ко., Цин.) *jārən* ‘ненец’ [Dewos, с.407] и относится исключительно к тундровым ненцам, в удмуртском языке этот этноним не известен, и известен быть не мог, так как, во-первых, им некого было бы называть (ненецкая тундра от Удмуртии далековато), во-вторых – он попал в коми язык в ходе контактов коми с ненцами и обскими уграми на Нижней Оби скорее всего в эпоху распада пермского праязыкового единства. Поскольку в районе *Яранска* никогда не жили не только ненцы, но и коми, остаётся совершенной загадкой, каким образом данное коми слово могло послужить источником для названия рек и города. На самом деле название гор. *Яранск* происходит от названия реки *Яран(ь)* (мягкий знак – результат русской адаптации), которое, видимо, совпадает с топоформантом *-еран(ь)*, имеющимся в топонимии Марийской Республики, и объясняется из марийского языка: мар. *jer* ‘озеро’ + *an* ‘горловина, устье’ (т.е. ‘озёрное устье’) [Галкин, с.44].

Названия притоков Вали и Ижа *Яган* М.Г.Атаманов выводит из хант. *ёган* ~ *юган* ‘река’ [Атаманов, 1988, с.96]. Если принять это объяснение, то придётся признать, что помимо манси, селькупов и ненцев на территории Удмуртии жили ещё и ханты. Родство хантыйского и мансийского языков здесь ничего не меняет: речь идёт о специфической хантыйской форме. На самом деле перед нами гидронимы тюркского происхождения: тюр. **jäkän* ~ **jägän* (башк. *jäkän* ~ *jägän*, тат. *žikän*) ‘тростник, рогоз, камыш, используемый для плетения циновок; тростниковая циновка’ [Räsänen, с.195].

Приведённые выше альтернативы сопоставлениям М.Г.Атаманова отнюдь не являются столь же случайными параллелями: пермяне и, в частности, удмурты, равно как и татары и русские реально живут и жили на рассматриваемой территории, в отличие от селькупов или манси. Впрочем, моей задачей было не предложение таких альтернатив, а демонстрация с их помощью некорректности методов и ненадёжности выводов М.Г.Атаманова.

Последним достижением «угро-самоедологии» являются, по-видимому, сочинения Л.Ш.Арсланова [Арсланов, 1993; Арсланов, 1996], который обнаружил новый очаг искомой топонимии по месту своего жительства – в Нижнем Прикамье. Здесь перед нами – возврат к истокам

традиции, а именно – к уровню методики и богатству фантазии Д.П.Европеуса. Угощу читателя двумя характерными примерами (полностью сохраняю в цитатах написание автора). Название деревни *Беркет-ключ* (тат. (мишар.) *беркет* ‘орёл’), автор приводит ещё вариант тат. *Бәркәтә* (если это верно, то, видимо от тат. *бәрәкәт* ‘изобилие’) – «из двух топооснов: **бар** / **бәр** в значении ‘река’ (возможно, этнонима **пор** обских угров) + **ката** (кәтә), который характерен для финно-угро-самодийских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и для диалектов татарского языка и др., даже носит ностратический характер, ср.: укр. **хата** ‘дом’ <...>. Таким образом, большинство фактов свидетельствуют о финно-угорско-самодийском происхождении ойконима **Бәркәтә**» [Арсланов, 1996, с.7]. Название деревни *Буранчы* (тат. ‘буранная’): «мы склонны отнести данный топоним к марийскому источнику – гидрониму Поранча, который не имеет отношения к слову буран <на самом деле: мар. *poranča* – тат. *burančä* – В.Н.>. По мнению И.С.Галкина, в гидрониме Поранча выделяется топооснова пор «мари» <удмуртское слово – В.Н.> + ан словообразовательный суффикс, который сохранился в коми языке. Ср. яран «ненец»» [Арсланов, 1993, с.35]. Какие-либо комментарии, думаю, излишни (см. название данной статьи).

Общий вывод из проделанного здесь критического обзора можно сформулировать следующим образом.

1. Построения разных авторов об «угорско-самодийской» топонимии в Восточной Европе представляют собой чудовищное нагромождение ошибок, нелепостей и пустых фантазий.

2. В топонимии Восточной Европы, помимо территорий исторического расселения ненцев в тундре и лесотундре от Канина и Кольского полуостровов до Урала, **нет никаких следов былого обитания там каких-либо самодийцев**. «Продвижение ненцев в европейскую тундру было единственной этнически релевантной миграцией самодийцев в районы к западу от Урала за несколько последних тысячелетий» [Хелимский, с.10].

3. Распространение в Восточной Европе субстратной топонимии угорского происхождения **ограничивается областями исторического расселения манси** на западных склонах Урала, в бассейнах левых притоков Камы в её среднем течении и в верхнем течении Печоры. В то же время исторические данные о довольно широком расселении южных и западных мансийских групп на территории современной Пермской области и о военно-политической активности мансийского Пельимского княжества в бассейне Вычегды оставляют принципиальную возможность обнаружения топонимов мансийского происхождения на более широкой территории в пределах обозначенных ареалов. Но на сегодняшний

день **никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено.**

4. Остаётся **теоретическая возможность поисков в Прикамье топонимических следов протовенгров**, которые, насколько можно судить по историческим данным, могли обитать на этих территориях. Однако до сих пор таковых следов не найдено. Более того, благодаря рассмотренным выше публикациям сама тема таких поисков изрядно дискредитирована.

5. Существующие сочинения различных авторов (как упомянутых выше, так и не упомянутых – качество всех сочинений такого рода совершенно одинаково), в которых топонимы Волго-Камья и севера европейской России трактуются как «угро-самодийские» **не могут и ни в коем случае** не должны использоваться в научных построениях. Собственно, даже критика этих сочинений практически затруднена: критиковать можно тексты, построенные хотя бы на каких-то фактах и минимально логичной методике. Единственным нормальным отношением к подобного рода сочинениям может быть **активное неприятие.**

ПРИМЕЧАНИЯ

Арсланов, 1993: Арсланов Л.Ш. Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья // Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). — Елабуга, 1993.

Арсланов, 1996: Арсланов Л.Ш. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах западного Закамья Республики Татарстан // Финно-угроведение. — №4. — Йошкар-Ола, 1996.

Атаманов, 1988: Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. — Ижевск, 1988.

Атаманов, 1997: Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997.

Афанасьев: Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. — Сыктывкар, 1996.

Беккер: Беккер Э.Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 2. — Томск, 1970.

Васильев, Шитова: Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. — Уфа, 1982.

Васильев: Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. — Москва, 1979.

Галкин: Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. — Ижевск, 1989.

Генинг: Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. — Вып. 4. — Ижевск, 1967.

Дульзон, 1960: Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. — Москва, 1960.

Дульзон, 1961: Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961.

Дульзон, 1970: Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. — Вып. 2. — Томск, 1970.

Европеус: Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда нынешних жителей. — СПб, 1874.

Казаков: Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. — Москва, 1992.

Кривощёкова-Гантман: Кривощёкова-Гантман А.С. К вопросу о западно-сибирском компоненте в топонимии Прикамья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973.

Кротов: Кротов З. Удмуртско-русский словарь. — Ижевск, 1995.

Матвеев, 1961: Матвеев А.К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. — Вып. 2. — Москва, 1961.

Матвеев, 1964: Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. — №2. — Москва, 1964.

Матвеев, 1964а: Матвеев А.К. О древнем расселении самодийцев по данным топонимии // Топонимика Востока. — Москва, 1964.

Матвеев, 1968: Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Труды Камской археологической экспедиции. — Вып. 4 / Учёные записки Пермского университета. — Вып. 191. — Пермь, 1968.

Матвеев, 1982: Матвеев А.К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. — Мурманск, 1982.

Матвеев, 1989: Матвеев А.К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. — Ижевск, 1989.

Напольских: Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. — Ижевск, 1997.

Оксенов: Оксенов А.В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. — Часть 273. — Январь. — СПб, 1891.

Соколова: Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII - XIX вв. Проблемы фратрии и рода. — Москва, 1983.

СРНГ, XIV: СРНГ – Словарь русских народных говоров. — Вып. I. — Ленинград.

ССКЗД: ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И.Жилина, М.А.Сахарова, В.А.Сорвачева. — Сыктывкар, 1961.

Теплоухов, 1924: Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки Уральского общества любителей естествознания. — Вып. 39. — Свердловск, 1924.

Теплоухов, 1960: Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце //

Труды Камской археологической экспедиции. — Вып. 3 / Учёные записки Пермского университета. — Т.12. — Вып. 1. — Пермь, 1960.

Тепляшина: Тепляшина Т.И. К вопросу об этнониме *пор* // Происхождение марийского народа. — Йошкар-Ола, 1967.

Фасмер, IV: Фасмер М. I–IV. Этимологический словарь русского языка. Том I–IV / Перевод с нем., дополнения О.М.Трубачёва. — Москва, 1986-1987.

Хелимский: Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — Часть 2. — Москва, 1989.

Ahlqvist: Ahlqvist A. Финно-угорский субстрат в топонимии Ярославского края на материалах гидронимных формантов. *Lisensiaatitutkimus. Helsingin yliopiston suomalais-ugrilainen kielen tutkimus.* — Helsinki, 1992.

Dewos: Dewos – Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache.* — Berlin, 1956-1993.

Erdélyi: Erdélyi J. *Selkupisches Wörterverzeichnis / Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series.* — Vol. 103. — Bloomington, 1970.

Fokos-Fuchs, I: Fokos-Fuchs D. *Syrjänisches Wörterbuch. Bd. I-II.* — Budapest, 1959.

Hajdu: Hajdu P. Die Benennungen der Samojuden // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* — Vol. 54. — Helsinki, 1950.

Kannisto, 1927: Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // *Finnisch-ugrische Forschungen. Bd 17.* — Helsinki, 1927.

Kannisto, 1927a: Kannisto A. Zur Frage nach den älteren Wohnsitzen der obugrischen Völker // *Finnisch-ugrische Forschungen. Anzeiger. Bd. 18.* — Helsinki, 1927.

Munkácsi, Kálmán: Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch.* — Budapest, 1986.

Räsänen: Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkisprachen / *Lexica Societatis Fenno-Ugricae.* — T. 17:1. — Helsinki, 1969.

Rédei, 1969: Rédei K. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica.* — T. 19:3-4. — Budapest, 1969.

Rédei, 1970: Rédei K. Die Syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. — Budapest, 1970.

Serebrennikov: Serebrennikov B.A. Die ugroiden Völker als alte Besiedler des russischen Nordens // *Ural-altaische Jahrbücher.* — Bd. 41. — Wiesbaden, 1969.

Vasmer, I: Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I-IV. / Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. — Bd.18-20. — Berlin, 1934-1936.

Wichmann, 1903: Wichmann Y. Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* — Vol. 21. — Helsingfors, 1903.

Wichmann, 1987: Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / *Lexica Societatis Fenno-Ugricae.* — T. 21. — Helsinki, 1987.

СОКРАЩЕНИЯ

англ. – английский; **башк.** – башкирский; **камас.** – камасинский; **кит.** – китайский; **коми** (ВВыч. – верхневьчегодский, ВСыс. – верхнесысольский, Вым. – вымский, Иж. – ижемский, Печ. – печорский, Уд. – удорский); **лев. пр.** – левый приток; **манс.** – мансийский (ВЛозь. – верхняя Лозьва, Кон. – Конда, НКон. – нижняя Конда, НЛозь. – нижняя Лозьва, Пел. – Пелым, С – северный (Сев.Сосьва, Сыгва), СКон. – средняя Конда, СЛозь. – средняя Лозьва, Т. – Тавда); **матор.** – маторский; **мар.** – марийский (Г – горномарийский); **ППерм** – прапермский; **пр. пр.** – правый приток; **рус.** – русский; **сельк.** – селькупский (С – северный, тазовско-туруханский); **тат.** – татарский; **тю.** – (обще)тюркский; **удм.** – удмуртский (пер.-юж. – периферийно-южное наречие, М.-У. – малмыжско-уржумский); **хант.** – хантыйский (Ко. – Конда, Цин. – Цингала); **чув.** – чувашский.